

ЛИЦО ДРУГОГО У Э. ЛЕВИНАСА И А.А. УХТОМСКОГО

© 2017 г. А.Н. Беларев

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 17 августа 2017 г.

Дата публикации: 25 декабря 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-30-43

Аннотация: В статье сопоставляются этические концепции русского физиолога и философа Алексея Алексеевича Ухтомского и французского философа Эмманюэля Левинаса. Этих мыслителей объединяет использование слова «лицо» в качестве философского термина. Образ «лица» рассматривается в статье как ключевой для понимания авторами ситуации диалога и социального взаимодействия. Для Ухтомского была важна многозначность русского слова «лицо», сочетающего в себе значение «личность» с буквальным значением «лицо человека». Для лучшего понимания термина «лицо» у Левинаса необходимо учитывать сложное взаимодействие русского, древнееврейского и французского языков, сформировавших языковое сознание этого философа. Оба мыслителя считали этику первой философией. Встреча с «другим лицом» или с «лицом другого» рассматривается Ухтомским и Левинасом как центральное событие в формировании личности. Левинасу анализ лица позволял выйти за пределы феноменологии, так как лицо не было «стандартным» феноменом. Для Ухтомского образ лица был связан с проблематичностью естественных наук. Он был частью поиска нетеоретического знания, учитывающего индивидуальное, а не только всеобщее, и способного описывать не только мертвые объекты и безличные структуры. Обоих мыслителей объединяет стремление дать новое прочтение религиозной традиции в контексте современной науки и философии. Собственным путем Ухтомский подходит к тому, что Левинас будет называть асимметричностью отношения «Я» — «Другой». Не случайно Левинас говорит об опыте встречи с Другим как о богоявлении, а Ухтомский называет Бога Первым и Последним Собеседником. Встреча с Другим у этих мыслителей, по сути, является повседневным, «обыденным» аналогом Откровения.

Ключевые слова: Эмманюэль Левинас, Алексей Алексеевич Ухтомский, лицо, другой, этика, собеседник, Михаил Михайлович Бахтин, феноменология, антропология, субъект, диалог.

Информация об авторе: Александр Николаевич Беларев — аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: abelarev@gmail.com

THE FACE OF THE OTHER IN EMMANUEL LEVINAS AND ALEXEY UKHTOMSKY

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2017. A.N. Belarev

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: August 17, 2017

Date of publication: December 25, 2017

Abstract: The author compares ethical concepts of a Russian physiologist and philosopher Alexey A. Ukhtomsky and a French philosopher Emmanuel Levinas. Both use the word “face” as a philosophical term. The paper examines the “face” as a key image in the work of both authors which helped them understand the meaning of dialogue and social interaction. The fact that the Russian word “litzo” (“face”) has two different meanings (a “person” and a “human face”) was very important for Ukhtomsky. For the better understanding of Levinas, it is necessary to take in account the interaction of Russian, Hebrew, and French languages as part of the linguistic consciousness of this author. Both philosophers considered ethics to be *philosophia prima*. The encounter with the face of the Other is the central event in the personality development for both Levinas and Ukhtomsky. For Levinas, the study of the face was a way to transcend the limits of phenomenology because the face is not a “common” phenomenon. For Ukhtomsky, the image of the face pointed at the problematic character of sciences. It was part of his search for the non-theoretical knowledge, e. g. knowledge that accounts not only for the universal but also for the individual and is capable of describing not only impersonal structures and objects but also individual and unique events. Both thinkers thus were seeking to reconsider religious tradition in the context of contemporary science and philosophy. Ukhtomsky arrives at the idea of asymmetrical relationship between the “I” and the “Other” independently of Levinas. Whereas Levinas describes the experience of the encounter with the Other as a kind of epiphany, Ukhtomsky calls God “the First and the Ultimate Interlocutor.” The encounter with the Other for both philosophers is, namely, a mundane, everyday analogue of the Revelation.

Keywords: Emmanuel Levinas, Alexey Alexejevich Ukhtomsky, the face, the Other, ethics, interlocutor, Mikhail Bakhtin, phenomenology, anthropology, subject, dialogue.

Information about the author: Alexander N. Belarev, Postgraduate Student, A.M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: abelarev@gmail.com

«С точки зрения абстракции, всякий конкретный опыт есть частный случай. И остается невыясненным, почему же существует именно этот частный случай, а не другие, отвлеченно одинаково возможные.

Для мира алгебры геометрический мир есть случай. Для геометра физический мир — случай. Также и для физико-химика мир жизни есть случай.

Но в особенности каждый человек, индивидуально существующий перед нами, есть новый, вполне исключительный случай! Никем он не может быть заменен, он совершенно единственное “лицо”. Тут приходится внести в опыт новую категорию мысли — уже не предмета, не вещи, а лица.

Наиболее конкретный опыт, побуждающий до крайности индивидуализировать отношение к себе, это опыт человеческого сожигания, опыт “лица”.

Тут и встает впервые во всем своем своеобразии проблема Собеседника и Друга. Сумей построить и заслужить себе собеседника, какого ты хотел бы! Это недостижимо никакими абстракциями!»

Ухтомский А.А. Из записных книжек. 1920–1929 [6, с. 145–146].

Сравнение идей русского физиолога и мыслителя Алексея Алексеевича Ухтомского и французского философа Эмманюэля Левинаса напрашивается само собой. Оба постоянно используют понятия: «лицо», «другой» или их сочетание «лицо другого». Это не случайное совпадение. И Э. Левинас (1906–1995) и А.А. Ухтомский (1875–1942) считают этику первой фило-

софией, а этическое отношение «лицом к лицу»¹, ситуацию «Собеседования»² помещают в центр собственных размышлений о природе человека. Речь здесь идет о таком сходстве, которое Бахтин назвал в своих заметках «истинной конвергенцией (когда два направления мысли коснулись какой-либо стороны одной и той же правды)» [1, с. 317]. Можно назвать еще несколько факторов, лежащих в основе сходства идей двух мыслителей. Это прежде всего серьезное влияние русской классической литературы (в первую очередь Достоевского и Толстого) и обращение к опыту христианства (в случае Ухтомского) и иудаизма (в случае Левинаса).

Левинас, разъясняя собственную этическую концепцию, прибегает к цитированию Достоевского и Толстого в узловых точках своих размышлений. Биограф Левинаса, Соломон Малка, сообщает, что философ часто перечитывал произведения Достоевского [11, с. 26]³. Хорошее знание Левинасом русской литературы объясняется тем, что он родился и вырос в Ковно (современный Каунас), а Литва в то время входила в состав Российской империи. Это делало ее частью общего культурного пространства, в котором авторитет русской литературы был огромен. Так, смерть Толстого воспринималась, как вспоминал философ, почти как семейная трагедия. Однако эта принадлежность к общему культурному пространству в случае семьи Левиных (фамилия была изменена уже позже — при выдаче новых документов Литовской республики) не исключала религиозную и национальную специфику. Философ родился в еврейской семье, в которой придерживались традиционного уклада, религиозные обряды и правила иудаизма были частью повседневной жизни, но в доме Левиных говорили по-русски. И преподавание в еврейской школе, где учился Левинас, также велось на русском языке. Мать привила ему любовь к русской классике: Пушкину, Тургеневу, Гоголю, Лермонтову. Важно отметить, что с шести лет мальчику наняли преподавателя для изучения иврита и освоения текста Пятикнижия⁴, т. е. иврит также

1 Оборот, часто употребляемый и Ухтомским, и Левинасом.

2 Слово, часто употребляемое Ухтомским.

3 Здесь цитируется немецкий перевод книги. Выходные данные французского издания: *Malka S. Emmanuel Levinas. La vie et la trace. Edition Jean-Claud Lattes, Paris, 2002.* Биографический очерк и введение в философию Левинаса на русском языке: [8].

4 К Левинасу можно отнести слова Ухтомского об оппоненте Вернадского Деборине: «Говорят, что он "образованный еврей", изучавший то, что подобает знать таковому» (письмо Ф.Г. Гинзбург от 12 июня 1932 г.) [5, с. 405–406]. Речь идет о традиционном еврейском религиозном образовании, основой которого является изучение Писания с комментариями

очень рано стал частью его языкового сознания. В университетские годы значимыми станут также немецкий и французский языки⁵; на последнем он будет писать свои философские тексты. Эти биографические факты помогут в дальнейшем понять «многослойность» философской терминологии Левинаса.

Ухтомский также постоянно использует опыт русской классики, фактически понимая ее как «антропологическую лабораторию». Так, именно к литературным примерам он прибегает для объяснения принципа доминанты или для иллюстрации формирования «интегрального образа собеседника»⁶.

Вторая сближающая особенность — это осмысление этического монотеизма как фундамента европейской культуры. Оба философа считали, что путь к Богу (как к абсолютно Другому, как к первому и последнему Собеседнику⁷) лежит через этическое отношение с другим человеком и собеседником⁸.

Важно отметить, что осознание ими важности предания, религиозной практики и традиционной герменевтики не исключало авангардизма в науке (Ухтомский) и философии (Левинас). Они постоянно осуществляли работу своеобразного перевода языка предания на язык современного знания. Религиозные тексты начинали говорить на языке философии и науки, а научные идеи включались в широкий мировоззренческий контекст. Это совмещение традиционности с авангардизмом — одна из причин сложности рецепции их наследия. И Левинас, и Ухтомский могут подвергаться критике либо как недостаточно ортодоксальные, либо как чрезмерно апологетические авторы.

(на древнееврейском) и Талмуда (на арамейском языке).

5 В 1924 г. Левинас поступил в Страсбургский университет. Летний семестр 1928 г. и зимний семестр 1928–1929 г. будущий философ проводит во Фрайбургском университете. Здесь он изучает феноменологию под руководством Гуссерля и Хайдеггера.

6 Обращение обоих мыслителей к литературе как источнику иллюстраций, моделей связано с российским литературоцентризмом. В условиях недостаточной развитости гуманитарных наук литература в России брала на себя их функции. Она фактически решала задачи истории, социологии, психологии, философии.

7 «Первый и Последний наш Собеседник» — выражение Ухтомского.

8 «Искание современной нам философии: соотношение "субъект-объекта" разрешается реально в проблему Собеседника и собеседования»; «Ведь нет ничего более конкретного, чем факт собеседования с себе подобным лицом! Если есть конкретный закон, от которого надо отправлять философию, то это закон Собеседника» [5, с. 245].

Еще одной точкой сближения обоих мыслителей является особый профессиональный и духовный опыт преподавателей-наставников. Примечательно, что и тот и другой прожили большую часть жизни в служебных квартирах. Жизнь А.А. Ухтомского с 1899 г. была связана с Петербургским университетом. После окончания в 1906 г. естественного отделения физико-математического факультета он начинает работать лаборантом университетского физиологического кабинета. С 1911 по 1941 гг. Ухтомский читает лекционные курсы по физиологии и ведет практические занятия. Усилия Ухтомского по созданию при университете Физиологического научно-исследовательского института и развитию университетской физиологической школы имели под собой не только академические основания. Эта деятельность была продиктована стремлением построить модель идеального общения, общежития, преемственного сотрудничества, создать цепочку традиции учитель — ученик. Речь шла о процессе передачи знания как попытке «воспитать и поставить на ноги мысль» [6, с. 204]. Его общение со студентами и воздействие на них не ограничивалось академическими вопросами. Достаточно сказать, что значительная часть идей Ухтомского о Собеседнике и диалоге была сформулирована им в переписке с бывшими студентами⁹. В академической и общественной деятельности Ухтомский, несомненно, ориентировался на образ идеальной христианской общины. Очевидно, для него большое значение имел социальный опыт старообрядчества. Он убеждал в том, что социальные связи могут поддерживаться без участия государственной машины, а коллектив может сохранять свою целостность без насилия — его скрепляют общие цели, идеалы и авторитет традиции, воплощенный в личности учителя. Ухтомский как бы нащупывал новые формы социального взаимодействия, в основе которых лежал бы демократизм, автономия, верность традиции и коллективный духовный поиск. Эти искания восходят к трем источникам: к социальным экспериментам послереволюционного времени, к традиционным формам университетского самоуправления и представлению об идеальном сообществе ученых и, наконец, к идеалу христианской общины.

Левинас с 1946 г. в течение 35 лет был директором Высшей Нормальной Еврейской Восточной Школы (*Ecole Normale Israelite Orientale*,

⁹ Подробную биографию русского физиолога см. в книге: *Соколова Л.В.* «А.А. Ухтомский и комплексная наука о человеке» [4, с. 21–93].

ЕНИО) в Париже. Школа была создана организацией «Всемирный Еврейский Альянс» (Alliance Israelite Universelle) для выходцев из еврейских общин Магриба. Одной из задач этого учебного заведения была подготовка будущих учителей для работы в школах Альянса. Там же Левинас читал курс философии. Его обязанности предполагали ежедневное общение с учениками — и не только на академические темы. В обязанности директора, естественно, входило решение массы повседневных вопросов жизни школы.

Лицо у Левинаса и Ухтомского становится сквозным образом, лейт-мотивом. В большой степени слово «лицо», не порывая со своим буквальным значением, приобретает у них смысл категории. Необходимо сразу оговориться, что Левинас употребляет французское слово *le visage*, которое, как и немецкое *das Gesicht*, связано с группой значений видимости, зримости и, с другой стороны, с семантикой взгляда и взора. Как отмечает американская исследовательница Сьюзен Хэнделман, образ лица у Левинаса восходит к анализу символики лица в финале книги Франца Розенцвайга «Звезда избавления» (1919) [9, с. 209]. Там он использует для обозначения лица слово *das Antlitz*, которое также этимологически связано с семантикой противостоящего, отвечающего взгляда. В заключительной части своей книги Розенцвайг говорит о лице истины, божественном и человеческом лице [13, с. 465, 470–471].

При анализе ситуации встречи с собеседником и ближним Левинас употребляет оборот *le face-a-face avec autrui* (лицом к лицу с другим). Слово *face* ближе к русскому значению лица как лицевой, обращенной к субъекту стороны предметов. Родственное ему слово *фасад* (*la facade*) Левинас использует для обозначения сияющей, но холодной поверхности предметов, противоположной живому лицу (*visage*) [3, с. 199]. Кроме того, слово *visage* употребляется философом как сложный философский термин, тогда как *face* обозначает лицо в обычном смысле слова [8, с. 222]¹⁰. Несомненно, Левинас учитывает и древнееврейское слово *panim* — «лицо». Это слово восходит к корню *panah* со значением «обращать(ся)» или «поворачивать(ся)» [10, с. 211]. Важно то, что слово *panim* по сути представляет собой множественное число. То есть лицо (фактически лица) двунаправлено. Оно соединяет внутреннее и внеш-

¹⁰ Российский исследователь философии Левинаса А.В. Ямпольская стремится передать это различие в переводе, используя для перевода *visage* слово «лик», а не «лицо» [8, с. 222].

нее, восприятие и экспрессию. На совмещении в структуре человеческого лица принимающих органов (нос и уши) и излучающих органов (глаза и рот) останавливается в указанном выше месте и Розенцвайг.

Можно предположить, что Эмманюэль Левинас, работая над своей главной книгой «Тотальность и бесконечное» (1961), учитывал и смысловые оттенки русского слова «лицо». У него, возможно, имел место сложный процесс взаимодействия и взаимоналожения языков (русского и французского) при продумывании и написании работ. Некоторые смыслы терялись, некоторые приобретались. Было бы, несомненно, интересно установить или предположить наличие некоего русского пратекста или подтекста в сочинениях французского философа¹¹.

В русском слове «лицо», как представляется, актуализируется особая группа оттенков значения, связанная с персональностью. Лицо связывается с отличием, различием, личностью. Именно эти оттенки смысла, наряду с буквальным значением «человеческое лицо», развивает Ухтомский. Он не оставляет, не забывает буквальный смысл, но делает акцент на смысле лица как индивидуального облика, характера, неповторимой личности. Лицо для Ухтомского означает нечто незаменяемое, неразстворимое, нечто динамичное в противопоставлении вещи, нечто индивидуализированное в противовес толпе: «Обыкновенно люди мало понимают значение и неповторимость лица, и им кажется, что все легко заменимо. Это оттого, что они обыкновенно знают вокруг себя лишь вещи, в лучшем случае — процессы, но лица мало кому доступны. Сейчас окружающая нас “культура” исключительно знает вещи и процессы, но совершенно утратила понимание лиц» (письмо к Ф.Г. Гинзбург от 6 января 1928 г.) [5, с. 384].

Лицо представляет собой открытую структуру, «нерешенный интеграл», как он говорит, т. е. то, о чем невозможно вынести окончательное суждение.

¹¹ Ямпольская отдельно касалась вопроса о языке его текстов: «Даже в сделанных в плену заметках, где встречаются русские фрагменты, это всегда цитаты, никогда не его собственные соображения. Создается ощущение, что для Левинаса русский язык остался языком оставленной позади жизни — как идиш для его родителей. Это косвенно подтверждается тем фактом, что в отличие от Койре или Кожева, публиковавшихся в “Логосе”, “Верстах” или “Евразии”, Левинас никак не участвовал в обширной культурной жизни русского Парижа. В отличие от Кожева, Койре или родившегося уже во Франции Владимира Янкелевича Левинас никогда не ссылается на русскую философию; в частности, я не знаю у него ни одной ссылки на Шпета (если говорить о русской феноменологии)» [9].

Кроме того, под лицом Ухтомский понимает некоторую достигнутую моральную структурированность индивидуальности, «нравственную собранность». «Но лицо, в отличие от индивидуальности, не дано, оно достигается, и достигается лишь в меру признания себе подобных, своих Собеседников» [5, с. 246]. Ухтомский, как и Левинас, стремится решить проблему субъективности смещением центра тяжести. От субъекта, «прикованного к самому себе» (Левинас), запертого, изолированного, солипсического, смысловой центр переносится или в зону между говорящими, в пространство встречи с другим (пространство обязательств и ответственности), или центром становится сам «другой». Левинас так характеризует этот процесс: «Ответственность переносит центр тяжести отдельного бытия вне его¹². Преодоление феноменального, или внутреннего существования, состоит не в том, чтобы получить признание со стороны другого, а в том, чтобы предложить ему собственное бытие. Быть в себе — значит выражать себя: это уже значит служить другому» [3, с. 193].

Лицо в отличие от вещи требует особого отношения. Лица — это не объекты познания, насильственных манипуляций, т. е. действий, не предполагающих ответа. В отношении с лицом, по Левинасу, проявляется ограниченность обычных познавательных практик, оно ускользает от тематизации, кладет предел властным притязаниям субъекта. «Присутствуя, лицо отказывается быть содержанием. В этом смысле оно не может быть понято, то есть охвачено» [3, с. 199]. «Лицо не поддается обладанию, моей власти» [3, с. 202]; лицо «говорит со мной» [3, с. 202].

Для Ухтомского и Левинаса другой — это прежде всего собеседник, тот, кто способен ответить. Социальная ситуация «лицом к лицу» связана с языком, смыслом и справедливостью. Другой — это тот, перед кем «Я» несет ответственность. Ситуация «лицом к лицу» связана тем самым с проблемой ответственности и суда. В этом один из ключей к пониманию идеи Ухтомского о заслуженном собеседнике. Единственная истинная инстанция, способная дать субъекту возможность удостоверения и самопроверки, — это другое лицо. Истинный собеседник становится наградой и даром, подтверждая состоятельность субъекта.

12 Elle place le centre de gravitation d'un être en dehors de cet être [11, с. 200].

Собственным путем Ухтомский подходит к тому, что Левинас будет называть асимметричностью отношения «Я» — «Другой». Диалог с лицом другого — это не только встреча равных. Хотя и равенство здесь немало важно, как видно из любимой Ухтомским легенды о встрече Чингисхана с Баязидом. Победенный Баязид оказался достойным беседы с победителем Чингисханом, он неожиданно выделился из толпы как личность и равный: «В первый раз за всю жизнь Чингиз отступил от своего закона и отпустил побежденного! Это оттого, что он прослезился! А прослезился оттого, что в первый раз в лице Баязида нашел наконец человека, равное себе лицо, которого не видел ни в ком до тех пор, хоть и владел несметными человеческими толпами» [5, с. 317–319]. Но Ухтомский говорит и об идеализации другого лица. В одном из писем к И.И. Каплан Ухтомский называет это «творческой идеализацией». Она заключается, по его мнению, в том, что в одном случае «человек домогается равенства тем, что стаскивает другого с его высоты до своего уровня, принижает его до себя. В другом случае он домогается того же равенства, но тем, что усиливается подняться со своего низа до того высшего, в котором видит другого» [7, с. 210]. Другой перестает быть изначально равным мне.

Левинас спорил с концепцией диалога Мартина Бубера как симметричного отношения равных Я и Ты. Другой, по Левинасу, выше, от его лица исходит приказ и заповедь «Не убий!» Субъект чувствует себя заложником другого. Именно поэтому Левинас считает проблематичной и недостаточной ситуацию «бок о бок» с другим, когда происходит движение с другим к общей цели. Он критикует и «бытие вместе» (Miteinandersein) Хайдеггера, в котором с другим располагаются не «лицом к лицу», а «вокруг истины» [2, с. 60]. «Это опасное нахождение лицом к лицу в связи без посредника, опосредования. В этом случае интересубъективное — не безразличная сама по себе взаимосвязь двух взаимозаменяемых членов. В качестве другого другой — не только alter ego. Он — то, что не есть Я: он слабый, если Я — сильный; он бедный, он “вдова и сирота”. Своя рубашка ближе к телу — нет более лицемерной выдумки. Или он — посторонний, враг, владыка. Главное, что он обладает этими качествами благодаря самой своей инаковости. Интересубъективное пространство изначально асимметрично» [2, с. 60].

Сосредоточенность на лице другого, с точки зрения Левинаса и Ухтомского, открывает выход к решению проблемы самоизоляции субъек-

та. Оба остро ощущали солипсическую замкнутость субъекта. Ухтомский говорил о Двойнике, а Левинас писал о прикованности субъекта к себе, к своему существованию, «невозможности избавиться от себя самого» [2, с. 55]. Левинас описывал ситуацию встречи с другим, которая открывает для субъекта время, разрывает тотальность и дает выход к бесконечному. Ухтомский описывал этот процесс как переход от Двойника к Заслуженному Собеседнику.

Для Левинаса анализ лица позволял выйти за пределы феноменологии, т. к. лицо не было «стандартным» феноменом. В анализе отношения с другим Левинас отталкивался от анализа образа другого как alter ego у Гуссерля. Понятие ответственности, связанное с лицом другого, во многом приходит на смену идее интенциональности. Уже упомянутая выше Хэндельман в своей работе «Осколки избавления» дает следующую характеристику функции лица у Левинаса: «У Левинаса “лицо” является таким гештальтом, который есть критика феноменологии, не-феномен, разрыв целостности личности, единства познающего и познанного и предполагаемой адекватности интенционально познающего сознания своим объектам» [10, с. 216].

Образ лица для Ухтомского был, видимо, связан с проблематичностью естественных наук. Он был частью поиска нетеоретического знания, учитывающего индивидуальное, а не только всеобщее, позволяющего описывать не только мертвые объекты и безличные структуры. Лицо в противоположность им представляло собой нечто живое, уникальное и открытое, т. е. развивающееся. Важна и его способность к ответу: «То, что в динамике и движении, более реально, чем то, что схематизировано вне времени! Химия ближе к реальности, чем геометрия. А реальнее всего лицо — Собеседник! Это так!» [5, с. 297]. Это проблемное поле очерчивается в книге «Картина мира в физике» (1958) Карла Фридриха фон Вайцекера, выдержки из которой приводит в своей заметке «Проблема текста» Михаил Бахтин: «Упрек, который гуманитарная наука адресует методам естествознания, я мог бы сформулировать так: естествознание не знает “Ты”. <...> Это личностное понимание — форма нашего опыта, которая применима к нашим ближним, но не к камню, звезде и атому» [1, с. 315]¹³. Бахтин, бывший внимательным

13 Мы приводим русский перевод А.Е. Махова. Бахтин приводит текст по-немецки: «Den Vorwurf der Geisteswissenschaften gegen die naturwissenschaftlichen Methoden möchte ich auf die

слушателем Ухтомского¹⁴, делает эту выписку в начале шестидесятых (именно в то время, когда Левинас издает свою главную книгу «Тотальность и Бесконечное»). В «Проблеме текста» Бахтин размышляет о различии между пониманием и объяснением в науке, между взглядом на человека в гуманитарных и естественных науках. Бахтин неизбежно должен быть упомянут в контексте обсуждения творчества Ухтомского и Левинаса, поскольку он развивает сходные темы и соединяет в своих работах традиции русской философии с чертами неокантианства и европейской философии диалога (Розенцвайг, Бубер, Розеншток-Хюсси).

Возвращаясь к словам фон Вайцзекера, необходимо упомянуть о том, что сам Ухтомский пытался преодолеть разрыв между «науками о природе» и «науками о духе» в создании целостной антропологической концепции, которая позволила бы соединить достижения физиологии, психологии, социологии, педагогики, философии религии в единое взаимосвязанное целое. Об этом, например, свидетельствует план лекционного пропедевтического курса «Введение в физиологию», сохранившийся в архиве ученого. Курс включает не только обсуждение чисто физиологических проблем, но и раскрывает более высокие уровни взаимодействия организма и среды. Исследователь творчества Ухтомского Л.В. Соколова так характеризует проблемное поле этого курса: «Он касается проблем психофизиологии восприятия, внимания, эмоций, памяти, рассматривает вопросы прогнозирующей деятельности мозга. В центре его внимания — человек во всей сложности начал, определяющих его природу, начиная от биологических предпосылок поведения и психики человека и заканчивая социокультурными детерминантами его жизнедеятельности. И недаром итоговым аккордом курса должна была стать глава о личности, раскрывающая значение нравственных начал в человеке» [4, с. 69]. Эти поиски сближают Ухтомского уже не с Левинасом, а с исканиями родоначальников философской антропологии — Макса Шелера и Хельмута Плеснера.

Ухтомский и Левинас, каждый по-своему, осмысляют ситуацию встречи с ближним, контакта с лицом другого, принятия лица другого. Для

Formel bringen, dass die Naturwissenschaft das Du nicht kennt. <...> Dieses personale Verstehen ist eine Weise der Erfahrung, die uns dem Mitmenschen gegenüber offensteht; dem Stein, Stern und Atom gegenüber nicht» [14, с. 177–178, цит. по: 2, с. 635].

14 Речь идет о докладе Ухтомского 1925 г., посвященном проблеме хронотопа в биологии. Ухтомский затрагивал там и вопросы эстетики.

них ситуация нахождения лицом к лицу с другим не является простым фактом социальной или психической жизни. Не случайно Левинас говорит об опыте другого как о богоявлении, а Ухтомский называет Бога Первым и Последним Собеседником. Встреча с Другим у этих мыслителей по сути является повседневным, «обыденным» аналогом Откровения.

Список литературы

- 1 *Бахтин М.М.* Проблема текста // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русские словари, 1997. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. 731 с.
- 2 *Левинас Э.* От существования к существующему // *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
- 3 *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное // *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
- 4 *Соколова Л.В. А.А.* Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. 316 с.
- 5 *Ухтомский А.А.* Доминанта души: Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. 608 с.
- 6 *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 576 с.
- 7 *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
- 8 *Ямпольская А.В.* Эмманюэль Левинас: философия и биография. Киев: Дух и Литера, 2011. 376 с.
- 9 *Ямпольская А.В.* Бесконечная значимость произошедшего с другим. Интервью. 03.02.12 // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Beskonechnaya-znachimost-proizoshedshego-s-drugim> (дата обращения: 07.06.2015).
- 10 *Handelman, Susan A.* Fragments of redemption: Jewish thought and literary theory in Benjamin, Scholem, and Levinas. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991. 418 p.
- 11 *Levinas E.* Totalite et Infini. Essai sur l'exteriorite. Kluwer academic, 2000. 343 p.
- 12 *Malka S.* Emmanuel Levinas: eine Biographie. München: C.H. Beck, 2004. 314 S.
- 13 *Rosenzweig F.* Der Stern der Erlösung. Mit einer Einführung von Bernhard Casper. Freiburg im Breisgau: Universitätsbibliothek, 2002. 485 S.
- 14 *Weizsäcker C.F. v.* Zum Weltbild der Physik. Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 1958. 458 S.

References

- 1 Bakhtin M.M. Problema teksta [The problem of the text]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii* [Complete col. of works]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. Vol. 5: Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Works of the 1940s-beginning of the 1960s]. 731 p. (In Russ.)
- 2 Levinas E. Ot sushchestvovaniia k sushchestvuiushchemu [From existence to existents]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)
- 3 Levinas E. Total'nost' i beskonechnoe [Totality and infinity]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)
- 4 Sokolova L.V. A.A. *Ukhtomskii i kompleksnaia nauka o cheloveke* [Ukhtomski and the complex science of the human being]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2010. 316 p. (In Russ.)
- 5 Ukhtomskii A.A. *Dominanta dushi: Iz gumanitarnogo naslediia* [The dominant of the soul: from humanitarian heritage]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)
- 6 Ukhtomskii A.A. *Zasluzhennyi sobesednik: Etika. Religiiia. Nauka* [The deserved interlocutor: ethics, religion, science]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 1997. 576 p. (In Russ.)
- 7 Ukhtomskii A.A. *Intuitsiia sovesti. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na poliakh* [The intuition of the conscience: Letters. Note books. Marginal notes]. St. Petersburg, Peterburgskii pisatel' Publ., 1996. 528 p. (In Russ.)
- 8 Iampol'skaia A.V. *Emmanuel' Levinas: filosofii i biografiiia* [Emmanuel Levinas: philosophy and biography]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2011. 376 p. (In Russ.)
- 9 Iampol'skaia A.V. Beskonechnaia znachimost' proizoshedshego s drugim. Interv'iu 03.02.12 [The infinite significance of the other]. *Russkii zhurnal*. Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Beskonechnaya-znachimost-proizoshedshego-s-drugim> (Accessed 07 June 2015). (In Russ.)
- 10 Handelman, Susan A. *Fragments of redemption: Jewish thought and literary theory in Benjamin, Scholem, and Levinas*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1991. 418 p. (In English)
- 11 Levinas E. *Totalite et Infini. Essai sur l'exteriorite*. Kluwer academic Publishers, 2000. 343 p. (In French)
- 12 Malka S. *Emmanuel Levinas: eine Biographie*. München, C.H. Beck, 2004. 314 S. (In German)
- 13 Rosenzweig F. *Der Stern der Erlösung. Mit einer Einführung von Bernhard Casper*. Freiburg im Breisgau, Universitätsbibliothek, 2002. 485 S. (In German)
- 14 Weizsäcker C.F. v. *Zum Weltbild der Physik*. Stuttgart, S. Hirzel Verlag, 1958. 458 S. (In German)